

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 86

29 апреля 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката К. и представителя заявителя П. – адвоката Р., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе П. (вх. № ...) в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 18 февраля 2026 года вынесла заключение:

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя; участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившемся в принятии им 22 и 23 ноября 2025 года участия в качестве защитника по назначению по уголовному делу № ... в условиях неистечения 24-х часового срока с момента фактического задержания П. в проведении следующих следственных и иных процессуальных действий: в допросе П. в качестве подозреваемого; в предъявлении П. обвинения, в его допросе в качестве обвиняемого, в проведении обыска в квартире, расположенной по адресу город Москва, ...;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе П. без

даты (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель П., содержащийся под стражей, обеспечил явку в заседание Совета своего представителя – адвоката Р. (вх. № ...), который подтвердил получение заключения Квалификационной комиссии, согласился с его выводами, оставил вопрос о мере дисциплинарной ответственности адвоката К. на усмотрение Совета.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил получение заключения Квалификационной комиссии, согласился с его выводами, признал, что действительно не имел права участвовать в следственных действиях до истечения 24-х часового периода с момента фактического задержания П. При этом сообщил, что о наличии в тот момент у П. защитников по соглашению не знал.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав явившихся участников, соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В жалобе П. против адвоката К. выдвигаются дисциплинарные обвинения:

– во вступлении в уголовное дело в нарушение Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 года, а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 года № 176 с дополнениями, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 мая 2024 года № 139 (далее – Правила);

– в непроведении с заявителем конфиденциального свидания до его первого допроса в качестве подозреваемого;

– в участии в производстве следственных и иных процессуальных действий до истечения 24-х часов с момента фактического задержания П. и при наличии у него заключенных с адвокатами Г. и Р. соглашений на осуществление его защиты;

– в неосуществлении защиты интересов заявителя, «формальном присутствии» на следственных действиях, неотражении в протоколах процессуальных действий своей позиции и нереагировании на заявления и замечания, внесенные П. в протокол его допроса в качестве подозреваемого.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в производстве ... СК РФ по городу Москве находилось уголовное дело № ..., возбужденное 21 ноября 2025 года в отношении Х. с по признакам преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 291 УК РФ, и в отношении И., З., Б. и П. по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 291.1 УК РФ.

22 ноября 2025 года в 16.20 час. П. был фактически задержан в аэропорту Шереметьево по прилету из г. В.. Соответственно, предусмотренный ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-х часовой срок явки приглашенного защитника истекал 23 ноября 2025 года в 16.20 час.

По заявке в АИС АПМ № ..., размещенной следователем ... СК России по городу Москве М. в 13.02 час. 22 ноября 2025 года, защитником подозреваемого П. был назначен адвокат К., который в тот же день вступил в уголовное дело, представив Ордер от 22 ноября 2025 года № ..., в качестве основания выдачи которого было указано «ст. 51 УПК РФ».

В тот же день с 20.00 по 23.39 час. П. был допрошен в качестве подозреваемого, к протоколу допроса приложены замечания заявителя, на которых имеется подпись адвоката К. В 23.45 час. 22 ноября 2025 года П. был задержан в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, протокол задержания составлен с участием адвоката К., в качестве места задержания указан кабинет следователя. В тот же день с участием адвоката К. П. предъявлено обвинение, и он был допрошен в качестве обвиняемого. В протоколе допроса он указал: «вину в инкриминируемом преступлении не признаю, от дачи показаний отказываюсь на основании ст. 51 Конституции РФ».

23 ноября 2025 года с 16.10 до 16.50 час. с участием П. и адвоката К. был произведен обыск в жилище заявителя по адресу: город Москва, В тот же день с 20.15 час. по 21.07 час. с участием адвоката К. произведена очная ставка между П. и Б.

24 ноября 2025 года 3. районным судом города Москвы П. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, его защиту в судебном заседании осуществлял адвокат Р.

Оценивая профессиональное поведение адвоката К. в части дисциплинарного обвинения в участии в производстве следственных и иных процессуальных действий до истечения 24-х часов с момента фактического задержания П. и при наличии у него заключенных с адвокатами Г. и Р. соглашений на осуществление его защиты, Совет исходит из того, что согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.

В соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2 – 7 части первой ст. 51 УПК РФ.

Согласно пп. «а» и «в» п. 4 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (Принят VIII Всероссийским съездом

адвокатов 20 апреля 2017 года) в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы в Разъяснениях № 9 от 24 сентября 2015 года по вопросам профессиональной этики адвоката «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению» указал, что «24-х часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым – как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны. <...> На основании изложенного, Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ, 24-часового срока для явки приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении».

Как указано выше, в результате дисциплинарного разбирательства установлено, что в нарушение указанных обязательных требований адвокат К. до истечения 24-х часового срока с момента фактического задержания П. принял участие в его допросе в качестве подозреваемого, предъявлении ему обвинения и допросе в качестве обвиняемого, обыске в жилище П.

Оценивая профессиональное поведение адвоката К., Совет учитывает, что П. от его помощи не отказывался, и у него отсутствовала достоверная информация о наличии у П. защитников по соглашению, поскольку на момент участия адвоката К. в процессуальных действиях никто из адвокатов П. по соглашению в уголовное дело еще не вступил. Лица, связывавшиеся с адвокатом К. – «адвокат-женщина из В.» и «Р.», документов, подтверждающих свой профессиональный статус, не представили, а сам К.

не предпринял мер по его выяснению. Вместе с тем, сам адвокат К. пояснил, что адвокат «Р.» написал ему, что является защитником П. и вылетает в город Москву для участия в его защите, а жена К. в телефонном разговоре не сообщила о невозможности явки адвокатов по соглашению. Каких-либо письменных подтверждений от П., из которых бы следовало, что он полагает явку защитника по соглашению в течение 24-х часового срока с момента фактического задержания невозможной, в распоряжении адвоката К. также не имелось. При этом, поскольку о факте задержания П. стало известно его жене и третьим лицам, любое из этих лиц могло заключить соглашение на защиту П. с адвокатом, находящимся в г. Москве, который мог бы явиться к следователю в течение 24-часового срока с момента фактического задержания заявителя. Таким образом, адвокат К. не получил не вызывающих сомнений в своей достоверности подтверждений невозможности явки защитника П. по соглашению в течение 24 часов с момента фактического задержания последнего, в связи с чем был не вправе до истечения этого срока участвовать в процессуальных действиях в качестве защитника П. по назначению, за исключением участия в составлении протокола его задержания в порядке ст. 91-92 УПК РФ.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой в части описанного дисциплинарного обвинения, а его вину в совершении этого дисциплинарного нарушения – установленной.

Вместе с тем, участие адвоката К. в составлении протокола задержания заявителя являлось обязательным в силу прямого указания ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ, а его участие в очной ставке между П. и Б. имело место после истечения 24 часов с момента фактического задержания, в связи с чем Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в указанной части.

Совет соглашается с мнением Квалификационной комиссии об отсутствии оснований для оценки действий адвоката К. как направленных к подрыву доверия к адвокатуре. Вопреки утверждению заявителя, ни законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, ни разъяснениями Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Совета Адвокатской палаты города Москвы не установлена обязанность адвоката в рассматриваемой ситуации связываться с представителем Совета Адвокатской палаты города Москвы «по вопросу замены защитника», а у следователя отсутствовала обязанность уведомлять о чем-либо адвокатов, не вступивших в уголовное дело в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 49 УПК РФ.

Факт неуказания адвокатом К. замечаний в протоколе задержания П. в порядке ст. 91, 92 УПК РФ относительно времени и места фактического задержания Совет оставляет без правовой оценки, поскольку соответствующих дисциплинарных обвинений заявителем не выдвигалось, однако считает необходимым указать адвокату К. на необходимость надлежащего процессуального реагирования на внесение следователем в

протокол задержания недостоверных сведений по столь важному вопросу.

Дисциплинарное обвинение в нарушении адвокатом К. Правил при вступлении в уголовное дело Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает необоснованным. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат К. вступил в уголовное дело в соответствии с п. 10 Правил, то есть на основании заявки АИС АПМ, которая была размещена уполномоченным лицом – следователем, в производстве которого находилось уголовное дело, содержала полные и достоверные сведения о номере уголовного дела и лице, которому необходимо оказать юридическую помощь. В результате дисциплинарного разбирательства также установлено, что по состоянию на 22 и 23 ноября 2025 года, в момент участия адвоката К. в следственных действиях, у П. не имелось иных защитников – адвокатов по соглашению, вступивших в уголовное дело в порядке ч. 4 ст. 49 УПК РФ, в связи с чем адвокат К. не должен был предпринимать какие-либо действия, обусловленные участием в уголовном деле защитников по соглашению.

Несмотря на то, что при вступлении в уголовное дело адвокат К. не указал в графе «основания выдачи ордера» дату и номер заявки АИС АПМ, это формальное нарушение п. 17 Правил не могло каким-либо образом нарушить права и законные интересы П.

Дисциплинарное обвинение в непроведении с заявителем конфиденциального свидания до его первого допроса Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает недоказанным.

Согласно пп. 6, 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, жалоба, представление, обращение признаются допустимыми поводами для возбуждения дисциплинарного производства, если в них указаны конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства.

Вместе с тем, доводы жалобы П. в указанной части доказательствами не подтверждены, адвокат К. указанное дисциплинарное обвинение отрицает.

К такому же выводу Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит в отношении дисциплинарного обвинения в том, что адвокат К. не защищал интересы заявителя, лишь формально присутствовал на следственных действиях, не отразил в протоколах процессуальных действий своей позиции и никак не отреагировал на заявления и замечания, внесенные П. в протокол его допроса в качестве подозреваемого.

Органы адвокатского самоуправления при осуществлении дисциплинарного производства последовательно исходят из того, что «...Конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение участника дисциплинарного

производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении» (*Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты города Москвы. М., 2014. С.192-193*).

Поскольку указанные доводы жалобы не конкретизированы, им невозможно дать оценку по существу. При этом Квалификационная комиссия правильно отметила в заключении, что в протоколе допроса подозреваемого П. в графе о наличии заявлений или замечаний содержится рукописная запись «не поступили», а в приложенном к протоколу письменном заявлении утверждается о частичном искажении показаний заявителя, что подтверждено подписями как самого П., так и адвоката К.

Таким образом, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. в части остальных дисциплинарных обвинений неопровергнутой, а дисциплинарного производства в данной части – подлежащим прекращению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенное дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, свидетельствующий об умышленном игнорировании адвокатом профессиональных обязанностей и обязательных правил участия адвокатов в качестве защитников по назначению следователя, сопряженный с нарушением прав доверителя. Подобное профессиональное поведение адвоката Совет признает недопустимым. Вместе с тем, Совет учитывает, что ранее адвокат К. к дисциплинарной ответственности не привлекался, признал допущенное нарушение, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет считает необходимым указать адвокату К. на необходимость неукоснительного исполнения следующих законодательно установленных обязанностей адвоката: а) исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции (пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката); б) постоянно совершенствовать свои знания самостоятельно и повышать свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палатой города Москвы (пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1 и 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем П. (честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя; участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении), выразившееся в участии 22 и 23 ноября 2025 года в качестве защитника по назначению по уголовному делу № ... в условиях неистечения 24-х часового срока с момента фактического задержания П. в следующих следственных и иных процессуальных действиях: в допросе П. в качестве подозреваемого; в предъявлении П. обвинения, в его допросе в качестве обвиняемого, в производстве обыска в квартире, расположенной по адресу город Москва, Ленинградский проспект, д. 29, корп. 1, кв. 201.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе П. (вх. ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков